

Зиновий ГЕРДТ:

«Мне нравится быть законопослушным»

«**П**одождите, сейчас я дочитаю, и мы начнем», — сказал Гердт и углубился в колонки первой полосы «Вечерки», на которой мелькали заголовки со словами о путчистах, несанкционированных митингах, подпольных съездах. Я смотрел на него и думал, что для газет он настоящая находка. Такой читатель, за которого сейчас борются все издания...

— Зиновий Ефимович, мне не раз доводилось слышать от актеров, музыкантов, поэтов фразу типа: «Нет, политики я не касаюсь, она меня не интересует». Вы так внимательно штудировали свежий газетный номер, что мне показалось...

— Да, помимо моей воли я влип в политику по уши. Я поверил новым людям и верю до сих пор в чистоту их помыслов, их неподкупность. Но понимаю и тех, кто ждет реванша. Ведь ушла их партия, и они в одночасье стали никем. Без профессии, без человеческой культуры, привыкшие всю жизнь лицемерно действовать от имени народа, с которым не имели ничего общего. Они и ныне раздувают истеричную волну, апеллируя к народу. Взгляните на этих жириновских, умалатовых...

— Что, такие люди действительно кажутся вам фигурами серьезными, представляющими какую-то опасность?

— Видите ли, в чем дело. У нас, к сожалению, такое общество, где малейшее упоминание о старой цене водки может многих купить. Человечески-нацистскими формами равенства, основанными на преклонении и зависти, нас низвели до такого рабства, что еще не скоро отомрет принцип: «Главное, чтобы другому хорошо не было». Поэтому всякое возможно. А равенство должно быть только одно — перед законом. Все остальное — воля божья, одних она награждает талантом, других — умом, третьих — силой.

Будь я очень богатым, имей я миллионы, ну, например, как... Боровой, я субсидировал бы введение в начальной школе новой дисциплины — манеры. Чтобы будущие взрослые в отличие от теперешних умели садиться за стол, подавать пальто даме, уступать ей место, вежливо высказывать несогласие с собеседником. В театральных школах преподают уроки — как сыграть аристократов. Но такое должно быть свойственно не только актерам. Наших людей необходимо отучить преклоняться перед силой. У нас же старшее поколение непременно хочет наладить военно-патриотическое воспитание мальчиков и девочек, когда как раз это-то и надо забыть. Вот помрешь, над твоей могилой скажут, патриотичен ты был или нет, а учить патриотизму — бешеное идиотство.

— Вы говорите о культе силы. Ну а как жилось вам без накаченных мышц?

— Понимаете, то обстоятельство, что меня знают, помогало. И потом я как-то не замечен в поступках против совести.

— Не замечены... значит, все же что-то было?

— Перед господом встану, думаю, он мне, конечно, припомнит что-нибудь. Ну зачем, скажем, я улыбался тогда в райкоме, зачем улыбался тому ничтожеству в кресле, которое презирал.

— А, действительно, зачем?

— Хотелось ехать с театром за границу. А сказал бы, как относился к тому чиновнику, оказался бы вычеркнутым.

— Не кажется ли вам, что американское почти постиндустриальное общество все влетает, вращает в

славяноевропейский и, в частности, российский уклад жизни и образ мышления людей?

— Тут мне легко судить. Я последние два-три года что-то зачастил в Америку, извездил ее почти всю, а раньше много бывал в Европе, Азии, Африке, так что могу сопоставлять. Постиндустриальное общество... Американское, оно прекрасно, но... не для меня, как, в общем-то, и западноевропейское. Мне будет недоставать там российской безалаберности, необязательности, ля-ля три часа на кухне, когда уже пора спать, но нужно остаться выпить стопку-другую и говорить, говорить о душе, Боге, смерти, о... Сталине. Я никогда не устану размышлять о Сталине. Он огромная часть нашей жизни — война, репрессии, безудержный фанатизм...

Знаете, я, например, сейчас стыжусь подписаться где-нибудь «ветеран войны и труда». Стыжусь оттого, что звание такое ныне воспринимается как жутко реакционное. Послевоенное время скопило во многих моих сверстниках огромное количество желчи. На войне они ощутили, что такое власть, значимость. Представьте иного мужика — на фронте командовал боевой ротой, батальоном, а пришел домой, и его посылают в домоуправление начальствовать над тремя уборщицами. У него крах! Крах жизни без войны. Ведь до нее он был рядовым рабочим, служащим, короче, подчиненным, винтиком общей рабской системы. И вдруг такое! Можно пережить искушение славой, богатством, но властью...

— Были ли в вашей жизни моменты, когда казалось, что и вам не выдержать искушение чем-либо?

— По-моему, нет. Единственное, чему я поддавался — искушениям любовным. Женщина могла надо мною властвовать. Всю жизнь я не в силах был противостоять любви.

— Вы укоряете себя за это?

— Да, но что делать. Я знаю, что слаб. Переступить через возникшее чувство мне никогда не удавалось.

— Зиновий Ефимович, а у вас возникали периоды неврастичной злобы, и как вы ее выплескивали?

— Да выплескивать-то, по сути, можно только дома, на близких. Но я их жалею. Хотя бы за то, что им выпала участь жить со мной. Я — тяже-

лый случай. Капризен, подвержен настроениям. Причем раздражительность возникает неизвестно откуда, когда знаешь, произошло неприятное событие, неудача, то пытаешься это преодолеть. А когда ходишь и понять не можешь, почему у тебя плохое настроение — это бесит, жить не хочется. Особенно в последнее время такое случается. Может, оттого, что полтора месяца не курю после шестидесяти лет активного курения. Даже в душе какие-то перемены происходят. Честно говоря, я устал преодолевать, выплескивать ненависть, хочется ровной жизни.

— Ваш театр расположен в непосредственной близости от эпицентра многих митингов — Манежной площади. При ваших явных симпатиях к демократическому движению, опасаетесь ли вы того народа, что неистовствует на митингах в последнее время?

— Понимаете, здесь мне стоит еще раз повториться. Я бы не опасался, когда бы был закон. И за черносотенное высказывание публичное или при свидетелях говорящий нес ответственность. За юдофобство, антисемитизм, за любое подобное оскорбление должна существовать реально действующая статья — ты сказал такое, голубчик, а слово не воробей, пожалуй-ка в каталажку, плати штраф... Так живет весь мир. Сейчас многие люди не боятся законов и приходится опасаться их самих. Я, например, закона боюсь. Я — со своей физиономией боюсь нарушить правила дорожного движения. Хотя любой «гаишник», остановив меня, возьмет автограф и отпустит. Но я боюсь. Я законопослушен. И мне это нравится, это же так интересно — быть законопослушным!

— Зиновий Ефимович, вы заговорили об антисемитизме. Что, эта проблема, на ваш взгляд, и сегодня столь же актуальна?

— Я, слава Богу, никогда не испытывал неприязни со стороны русского общества и был им как-то принят. Не помню ни одного концерта, где бы в мой адрес среди многочисленных записок попадалась хоть одна с каким-нибудь враждебным выпадам. Но, а вообще любой национализм мне мерзок. И когда на базаре в адрес торговцев с юга я слышу «черные, узкоглазые», ощущения у меня те же, что от

слов «жидовская морда». Иных наших писателей так и хочется спросить: «Много вы сделали для России, чтобы судить, кто ей нужен, а кто нет?». Черт побери! Да дайте мне с тем же Куняевым диктант по русскому языку и посмотрим, у кого будет больше ошибок. На мой взгляд, причина возникновения национализма вовсе не бескультуре, а, скорее, неутоленная зависть к таланту.

— Я заметил: за время перестройки несколько раз менялось отношение интеллигенции к собственному народу, к себе. Сначала говорили — Боже, какой несчастный и терпеливый народ, которым коммунисты правят как хотят, затем — какой мужественный и великий народ, он нашел в себе силы и свалил-таки на пути к свободе и демократии тоталитарную систему. Теперь, когда города превратились в огромные толкучки, а люди готовы заворобываться куда угодно, лишь бы там хорошо платили, все чаще слышишь — для кого демократия? Вот для этого народа? Да он все века был диким и таким и останется. А вы как считаете?

— Те, кто стоит, спекулируя пивом у Малого театра или на Тверской, это еще не народ, далеко не народ. А мне вот вспоминается один телесюжет. Сразу после 2 января этого года, помните, повысились цены. Один разухабистый репортер в провинциальном городе подходит в магазине к простой женщине и спрашивает: «Ну как, что вы на это скажете?» — Она: «А что я скажу? Ну тяжело». — Он: «Так вы выдюжите, что ль?! Неужели такое можно выдюжить?» — Она: «Конечно, можно, и выдержим». — Он: «А вы что, голода не боитесь?!» — Она: «Какой голод, о чем вы говорите, молодой человек. Вы знаете, что такое голод? Вот я знаю. Голода нет и не будет». Она — и есть народ, тот, который вовсе не дик и в конце концов создаст себе цивилизованное бытие.

Р. С. Прощаясь, Зиновий Ефимович заметил, что интервью сейчас почти не дает, но отказать «Учительской газете» не мог. «Эту газету я давно выписываю. У вас много лет работала моя старая фронтовая подруга талантливая журналистка Нина Рощина, спасшая меня раненого во время войны, — в одиночку дотащив до госпиталя».

« Михаил МАРГОЛИС